

АСОНОВ Николай Васильевич — д.полит.н., к.и.н., профессор Московского педагогического государственного университета (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 88; nbassonov@yandex.ru)

ИДЕОЛОГИЯ И СТРАТИГРАФИЯ «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Аннотация. В статье раскрывается идеологический смысл и пятиуровневая стратиграфия «цветных революций», за которыми стоят социально-политические интересы и соответствующие им властные ресурсы новой клановой плутократии тоталитарного типа, носящей надгосударственный и наднациональный характер, направленный на уничтожение цивилизационного многообразия мира.

Ключевые слова: «цветные революции», стратиграфия, идеология, власть, политика, плутократия

Ceterum censeo Carthaginem esse delendam.

Марк Порций Катон Старший

И зучая «цветные революции» (ЦР) как новационный феномен жизни мирового сообщества, следует исходить из того, что их появление в первую очередь вызвано инклюзивными свойствами политики. Они помогают лидерам властных отношений проникать во все сферы общества и подчинять их своим интересам. А т.к. политика направлена на захват или удержание власти, она всегда носит агрессивный характер, отрицая толерантность к реальному противнику. Сейчас борьба за власть, оперируя идеологическими схемами, оправдывает средства и технологии, применяемые в интересах более сильных участников политических отношений, и даже расширяет их качественный и количественный набор, поощряя позицию двойных стандартов.

Данная деятельность осуществляется на целом ряде уровней. Анализ их специфики как важного атрибута ЦР должен опираться на метод стратиграфии. Он позволяет выделить пять таких уровней-страт. В рамках мегауровня решаются проблемы всего мирового сообщества. На макроуровне идет столкновение интересов крупных регионов и цивилизаций, ведущих между собой борьбу за выживание и господство. Мезоуровень включает в себя противостояние участников властных отношений общегосударственного масштаба. К микроуровню относится реализация локальных политических интересов отдельных частей государства и его социальных групп. Пятый уровень уместно именовать личностным, поскольку роль личности в политике всегда была весьма высока и могла содействовать успеху либо поражению в достижении поставленных целей. Специфика всех указанных уровней придает разную тонировку ЦР, отражаясь на их масштабе и своеобразии.

Такая стратиграфия позволяет отойти от популярной ныне трехчленной структуры ЦР, включающей в себя заказчика, организатора и исполнителя, что явно сужает круг научного поиска, мешая разглядеть этажи властных отношений, втянутых в политические новации. Ведь для всех пяти упомянутых уровней характерен свой потенциал ресурсов власти, понижающийся по мере уменьшения их политического значения. Поэтому степень успешности ЦР от макро- до микроуровня, как и должностное продвижение какой-либо личности в ходе ЦР, сегодня определяется качеством поддержки со стороны ресурсов власти мегауровня. А здесь контроль над ними в первую очередь принадлежит тем, кто, используя либеральные стандарты социально-политической жизни, представляет собой новую клановую плутократию тоталитарного типа, носящую глобальный надгосударственный и наднациональный характер.

В основу предложенного определения главного участника и заказчика ЦР легло античное понимание плутократии, отождествляемой Ксенофонтом с тимократией Платона. Это нравственно выродившаяся социально-политическая элита, страдающая захватническим духом и жаждущая путем насилия утвердить свою абсолютную власть внутри собственного государства и за его пределами. Видимо, поэтому к агрессивной олигархической власти рыночного Карфагена греки решили применить указанный термин. Ее характерные признаки вполне подходят и к современным условиям, когда «Новый Карфаген без границ» заявил о претензии на мировое господство. Согласно В.Ф. Халипову, таких признаков два: стремление наиболее богатых лиц к обладанию политической властью в корыстных целях, а также желание лиц, получивших политическую власть, применять ее для своего максимального обогащения.

Объединение носителей данных интересов в закрытый клан мегауровня, выведенный из-под контроля общества, дало им право владеть директивными, функциональными (управленческими) и коммуникативными аспектами власти. В их же подчинение перешли основные методы властвования, включающие в себя принуждение, убеждение и стимулирование. Не остались без внимания и ведущие ресурсы власти, представленные утилитарными, нормативными, идеологическими и силовыми блоками, которые превратили демократию в фикцию. Ведь народ, лишенный перечисленных атрибутов власти, из субъекта превращается в объект управления тех, кто его интересы сам перед собой представлять не будет, но при этом готов менять их в свою пользу, чтобы не допустить перехода подлинной власти к хозяевам традиционных ценностей и целей.

Для этого возникли подобающие институты, поставленные над цивилизационными и государственным интересами. Ими стали Всемирный банк, Всемирный валютный фонд, Совет по международным отношениям, Бильдербергский клуб и ряд других организаций, включая Организацию Североатлантического договора, призванную дать им защиту и обеспечить полное господство их организаторам. На пути становления США в качестве единственной сверхдержавы стоял СССР, управляющий подконтрольным ему лагерем соцстран и возглавляющий славяно-православную цивилизацию. Его ослабление и распад позволили «Новому Карфагену» перейти в наступление, нацеленное на ликвидацию всех традиционных культур и связанных с ними видов управления.

Через разрушение прежних стандартов шло навязывание новых, вошедших в либеральный идеологический набор. Он включал в себя принципы разделения властей, наличия президентской власти, парламентаризма, многопартийности, индивидуализма, рыночных отношений и т.д. Их утверждение санкционировало создание плутократии нижних уровней, готовой, согласно А.Е. Крухмалеву, «во главу угла всегда ставить собственные эгоистические интересы». Ставка на человеческие слабости помогала власти более высокого уровня держать в узде выводимых ею на политическую сцену лиц. Их приход в управленческие структуры вел к подмене экономики хрематистикой, при которой отмеченное Ксенофонтом «неизлечимое корыстолюбие» деловой и политической элиты содействовало коррумпированию власти и одновременно общему ослаблению цивилизации, региона, государства и его отдельных частей.

С одной стороны, этот процесс вел к укреплению авторитарных начал, усиливая формальный характер демократии, ибо требовалось подавлять реальную оппозицию, готовую повести за собой недовольные массы. С другой стороны, такая власть ради самосохранения была вынуждена искать поддержку у разных слоев общества, позиционируя себя как общенациональную силу, отстаивающую суверенитет и целостность страны, что указывало на ее умеренный характер. Но всякая умеренность ищет опору в практике двойных стандартов, ре-

лизуя два противоположных идеологических проекта и два вида соответствующих им функций: декларативные и реальные. Первые апеллируют к защите национально-исторической самобытности, покупая доверие общества. Вторые носят скрытый (латентный) характер, внедряя в сознание граждан истинные ценности и цели новой власти, взятые ею от своих политических патронов. Но чем консервативнее оказывался тот или иной регион, страна или область, тем сильнее такой умеренной власти приходилось «привязывать» свою декларативную часть к традиционным устоям общества, где религия создавала цивилизационную спайку, мешающую проникновению навязываемых новаций.

Это сдерживало «триумфальное шествие» плутократии к мировому господству. Поэтому его «двигателем» стало разжигание общественного недовольства погрязшей в коррупции властью умеренных. Но леворадикальные силы, настроенные на борьбу с национально-историческими традициями, на риск не идут. Они малочисленны и не пользуются нужным доверием масс. Значит, мирный парламентский путь взятия власти отпадает. Тогда ставка делается на праворадикальные силы. Им дается возможность «раскачать» социально-политическую ситуацию в стране и спровоцировать уход потерявшей доверие власти, чтобы на ее место возвести леворадикальные силы в качестве законного правительства, получившего от своих патронов всю мощь ресурсной поддержки. Разрозненное идеологически и организационно праворадикальное большинство противопоставить ей ничего не может. При этом, зная свое шаткое положение между двух политических полюсов, правительство умеренных может само пойти на сговор с левыми радикалами, близкими ему по ценностным установкам. Поэтому ради недопущения к власти правых сил, настроенных на реставрацию традиционных устоев, умеренные могут спровоцировать ЦР и под ее завесой тихо уйти, сохранив нажитый капитал.

Подводя итог сказанному, хочется обратить внимание на то, что революция как социально-политическое явление представляет собой успешный переход к коренным изменениям всей структуры государственных и общественных отношений (а не их неудачную попытку на Болотной площади). Исходя из этого, предлагается оценивать «цветные революции» как разведку боем. Ведь «живой» расклад политических сил из офиса увидеть нельзя, значит, нужен эксперимент, подталкивающий его создателей к нужным результатам. А он вместо коренной ломки навязанной социально-политической модели ведет к ее укреплению в духе «цветной модернизации». Она-то и есть ближайшая цель «третьей волны глобальных перемен», описанной О. Тоффлером, спрятавшей за сказкой о «рождении нового мирового порядка» (Х. Антонио Окампо) хищные аппетиты «нового Карфагена без границ». Остановить его может только объединенный ресурсный потенциал макроуровня.

ASONOV Nikolay Vasil'evich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Cand.Sci.(Hist.), Professor of Moscow State Pedagogical University (88 Vernadsky Ave, Moscow, Russia, 119571; nbassonov@yandex.ru)

IDEOLOGY AND STRATIGRAPHY OF COLOR REVOLUTIONS

Abstract. *The article reveals the ideological meaning and five-level stratigraphy of color revolutions, backed up by social and political interests, and the corresponding power resources of the new totalitarian clannish plutocracy with its suprapstate and supranational character, aimed at the destruction of civilization diversity of the modern world.*

Keywords: *color revolutions, stratigraphy, ideology, power, politics, plutocracy*